УДК 811.511.131

Н. В. Ильина
Удмуртский государственный университет
г. Ижевск

К вопросу об использовании диалектизмов в удмуртской поэзии XX в.

Статья посвящена анализу особенностей использования диалектной лексики в удмуртской литературе второй половины XX в. в сопоставлении с тенденциями современных авторов. На основе анализа произведений Ф. Васильева, М. Федотова, П. Захарова, Б. Анфиногенова делается вывод о том, что использование диалектизмов в поэтическом тексте связано с мироощущением и эстетическими предпочтениями автора. Диалектизмы обладают высоким творческим потенциалом. Обращение к диалектной лексике позволяет автору идентифицировать себя с определенной этнической группой, приобрести более камерное звучание (Ф. Васильев, М. Федотов); в современной поэзии, ориентированной на транскультурные и полилингвальные практики, диалектизмы расширяют семантическое значение конкретной лексемы.

Ключевые слова: удмуртская поэзия, диалектная лексика, лирика, местный колорит, ирония.

Традиционно принято считать, что использование диалектной лексики в художественной литературе связано с эпосом и драмой. Тем не менее в ограниченном количестве диалектные слова используются и в лирике. Выделяются авторы, которые соотносят себя с определенной локальной культурой и репрезентируют ее не только через речь персонажей, но и в лирической поэзии через речь лирического героя. Так, например, в русской литературе диалектная лексика представлена в творчестве Н. Некрасова, С. Есенина, О. Фокиной и ряда других авторов [Малышева 2005; Осипова 2022; Петров 2017]. Диалектная лексика обогащает поэтическую речь, репрезентирует этнокультурные особенности языковой картины мира, способствует сохранению традиционной культуры.

В удмуртской литературе о тенденции использования диалектизмов как стилистического приема можно говорить в отношении середины XX в., когда завершился основной этап оформления литературного удмуртского языка. Авторы указанного периода пишут на литературном удмуртском языке, стараясь избегать диалектных слов и выражений. В этой связи особо выделяется использование в поэзии лексических дублетов-синонимов диалектного происхождения. В частности, интересны опыты Н. Байтерякова, который использует лексемы *кӧлыны* ‘спать’ и *изьыны* ‘спать’ в одном сборнике: *Уг* ***изьы*** *тӧл. Вож нуныез сямен / Кылбуреным сое* ***кӧлын*** *выдто* [Байтеряков 1962: 10]. ‘Ветер не спит. Словно новорожденного ребенка, / Своим стихом уложу его спать’; *Музъем* ***кӧлэ****. Улон гинэ* ***уг кӧл*** [Байтеряков 1962: 4]. ‘Спит земля. Лишь жизнь не спит’. Флор Васильев подхватывает эту традицию и пишет серию «колыбельных», в которых «поет колыбельные» различным объектам и явлениям окружающего мира: ***Изьы, изьы*** *тон но кыз. / Кызьпуос но тон вӧзын кемалась ини* ***кӧло*** [Васильев 1995: 635].‘Спи, спи, и ты, елочка. / Березы рядом с тобой давно уже спят’. Лексемы *кӧлыны* ‘спать’ и *изьыны* ‘спать’ являются литературными, однако носитель языка безошибочно определяет их связь с разными диалектами удмуртского языка. Возможность использования того или иного дублета или же их сочетания в рамках одного стихотворения позволяет поэту решить несколько задач: это и подбор рифмующихся строк, избежание тавтологического повтора, придание большего благозвучия за счет сочетания с другими фонемами. Безусловно, для авторов этого периода важна также демонстрация возможностей литературного удмуртского языка в целом и своего творческого потенциала в частности. Поэты послевоенного поколения позиционируют себя сыновьями не только удмуртского этноса, но и России, для них важна идея единства и целостности, они обращаются к удмуртскому читателю вне зависимости от его диалектной принадлежности.

Новый этап обращения к диалектной лексике в поэзии манифестировал Флор Васильев, так как благодаря его творчеству в удмуртской поэзии полномасштабно прозвучала диалектная лексика северного наречия удмуртского языка. Лирический герой его поэзии – уроженец д. Бердыш на севере Удмуртии, что отражается также в топонимическом пласте художественных произведений: речка Мой, лес Шамашур и др. В этом контексте появление в поэзии лексики северного наречия удмуртского языка закономерно и естественно. Некоторые лексемы, репрезентирующие языковой континуум северного диалекта, встречаются в поэзии Ф. Васильева единично, другие слова отличаются высокой частотностью использования. Так, например, достаточно часто используется лексема *папа* ‘птица’: ***Папаос*** *но ӝог чалмытскизы* [Васильев 1995: 735]. ‘И птицы быстро умолкли’; *Уй пал* ***папалэсь*** *кырӟамзэ / Кин ке быгатоз-а меда кылзыны?* [Васильев 1995: 625].‘Песню северной птицы / Сможет ли кто-то услышать?’; *Ми ӧошен, кыз улэ пуксьыса, /* ***Папаен*** *кырӟалом на сӥлым* [Васильев 1995: 611]. ‘Вместе, устроившись под елью, / Мы споем с птицей на добрые дела’. Лексема *зӧк*, имеющая в литературном удмуртском языке значение ‘толстый’, используется в поэзии Ф. Васильева в значении ‘большой, крупный’: *Муръёын ыр тӧл вузэ шимес. /* ***Зӧк*** *гурез кадь кысыны турттэ* [Васильев 1995: 774]. ‘В трубе страшно воет ветер. / Кажется, хочет погасить большую печь’; *Корка шорын тӧдьы* ***зӧк*** *гур / Ӟазег кадь йӧнъяське* [Васильев 1995: 755]. ‘Посередине дома большая белая печь / Красуется, словно гусь’.

В поэзии Ф. Васильева также широко представлена лексика, которая, несмотря на то, что в словарях не маркируется особой пометой, более характерна для северных диалектов, например, лексемы *токма* ‘впустую’ и *музон* ‘другой’: *Вырӥылысь лымы пӧлын / Тӧдьы парус кадь юг арама. / Кытчы ке дасяськемын, / малпанэз ӧвӧл* ***токма*** [Васильев 1995: 777]. ‘На холме среди снега / белая роща, словно белый парус. / Приоделась для чего-то, / Мысли ее не впустую’; *Ӧвӧл ужез солэн* ***музон*** *– / Улэ со калыкен* [Васильев 1995: 775]. ‘Нет у нее другой работы – / Живет она с народом’.

Диалектизмы включены в поэзию Ф. Васильева органично, это тот язык, на котором привык говорить лирический герой. Иногда вкрапления из диалектной лексики помогают автору передать особенности речи персонажа, услышать его голос. Диалектное слово, оформленное через прямую речь, выражает принципиальную позицию автора: *Куазьлэсь уд луы* ***зӧк****! – шуиз мумы, – / Соин тон шедьты одӥг кыл. / Быдэ вуэм берам гинэ пайми / Солэн шонер верамезлы* [Васильев 1995: 368]. ‘Сильнее природы не будешь!’ – сказала мне мать, – / Найди с ней общий язык. / Лишь повзрослев, я удивился / правоте ее слов’.

Традиции Ф. Васильева во многом продолжает бесермянский поэт Михаил Федотов. Будучи единственным представителем бесермян

в литературе, М. Федотов видит свою задачу в том, чтобы транслировать культуру и язык бесермян для удмуртского читателя. Стремление к воспроизведению особенностей своего народа отражается, в том числе, и в обращении к диалектной лексике бесермян и северных удмуртов: *татай* ‘тетя’, *ӟаӟай* ‘дядя’, *кашпу* ‘головной убор бесермянки’, *кариноос* ‘дети’, *дарман* ‘сила, мощь, энергия’ и др. Наиболее часто диалектизмы появляются в этнических зарисовках, посвященных быту и традициям бесермян: *Анае но дйсялоз вал / Бесерман дйсьсэ. / **Кашпузэ** но со керттоз вал, / кутчалоз кутсэ* [Федотов 1988: 46]. ‘Матушка, бывало, наденет / бсермянскую одежду. / Кашпу (женский головной убор бесермянки. – *Н. И.*) завяжет, / лапти обует’; *Тон усьты, **ӟаӟай,** капкадэ, ӝсытазе, / Нош тон, кенаке, пыж **шаньги** эмезен* [Федотов 1991: 114]. ‘Ты, дядюшка, открой, ворота, вечером, / А ты, тетушка, испеки шанежки с малиной’. Каждый из этих диалектизмов используется М. Федотовым единично, однако присутствие диалектных слов во всех трех прижизненных сборниках поэта позволяет говорить о том, что обращение к диалектной лексике является одним из ключевых моментов его поэзии. М. Федотов снабжает указанные слова сносками, в которых дается подстрочный перевод на литературный удмуртский язык, что свидетельствует как о целенаправленной работе над обогащением удмуртского языка, стремлении поэта донести до читателя семантику незнакомых слов, так и о деятельности, направленной на популяризацию бесермянской культуры.

Обращение к диалектной лексике характерно и для современных удмуртских авторов. Однако в поэтике постмодернизма диалектные слова получают иное звучание. Так, например, Петр Захаров обращается к диалектизмам с целью создания яркого многозначного образа, при этом предполагается, что большинство читателей незнакомо с ними, а значения слов не раскрываются до конца и в контексте произведения: *Тӧл гинэ лопыръяз кесяськем деремме, / Тӧл гинэ кыскалляз кесяськем **чалбарме*** [Захаров 2006: 50]. ‘Лишь ветер развевал мою разорванную рубаху, / Лишь ветер рвал мои разорванные штаны’; *Дугдытэк вераське **акият*** [Захаров 2007: 59]. ‘Беспрестанно рассказываются байки’.

Для поэзии П. Захарова характерна игра слов. Оказавшись в постмодернистском контексте, диалектное слово меняет семантику, приобретает индивидуальные авторские оттенки значений. Так, например, в подборке стихотворений «*Думымтэ кылбуръёс*» («Непривязанные стихи») П. Захаров несколько раз обращается к лексеме *карас* ‘дерн; соты; диал. гроздь, кисть’. Подборка сопровождается переводом, выполненным самим автором, в котором *карас* переводится как ‘вдохновение’: *Мур ватэм **карасэз** кужымлэн.* ‘Глубоко затаенное вдохновение силы’ (перевод

П. Захарова) [Захаров 2007: 62]; *Кытын ӧвӧл* ***карас****, отын улон ӧвӧл* [Захаров 2007: 57]. ‘Где нет вдохновения, / Там нет жизни’.

Аналогично в поэзии Богдана Анфиногенова ирония достигается за счет сочетания диалектной лексики с молодежным жаргоном и лексикой из блогосферы: ***Эськере, эськере, эськере****...* / *Кин ке но улонмес эскере*, / *Селфикам котькытын вань бере*. / *Но ивор* ***лемтаям*** / *Селфят мем кекоран* [Анфиногенов 2023]. ‘Проверяет, проверяет, проверяет… / Кто-то нашу жизнь проверяет, / Раз повсюду есть селфикам. / А в моей новостной ленте / Селфят мем кекоран’. Парадоксальность и фантасмагоричность мира современного удмурта выражается через использование диалектных вариантов слов *эскерыны* ‘проверять’ и *лента* ‘лента’ в сочетании с лексемами *селфикам* и *селфят*.

Таким образом, диалектизмы занимают особое место в удмуртской поэзии на протяжении нескольких десятилетий. Их функция тесно связана с мироощущением и эстетическими предпочтениями автора. Диалектизмы обладают высоким творческим потенциалом, обращение к диалектной лексике позволяет автору идентифицировать себя с определенной этнической группой, приобрести более камерное звучание (Ф. Васильев, М. Федотов); в современной поэзии, ориентированной на транскультурные и полилингвальные практики, диалектизмы получают новые смыслы, позволяющие им существовать в современности.

Источники

Анфиногенов Б. Ӝикъя Promo. Ижевск: Печатный салон ИРиС, 2023. 62 б.

Байтеряков Н. Шур ву сямен. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 58 б.

Васильев Ф. И. Кылбурьёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 848 с.

Захаров П. Удмурт пеллёлэн кырӟанъёсыз // Инвожо. 2006. 4–5-тӥ №. 50–51-тӥ б.

Захаров П. Думымтэ кылбурьёс // Инвожо. 2007. 5–6-тӥ №. 58–71-тӥ б.

Федотов М. И. Берекет. Ижевск: Удмуртия. 1988. 106 б.

Федотов М. И. Вӧсь. Ижевск: Удмуртия. 1991. 144 б.

Литература

Малышева И. Ю. Ярославско-костромская диалектная лексика в произведениях Н. А. Некрасова как отражение фрагментов региональной языковой картины мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ярославль, 2005. 27 с.

Осипова Е. П. Константиновский говор С. Есенина как попытка создания микроязыка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2022. № 1. С. 42–55.

Петров А. В. Фонетические диалектизмы в поэзии Ольги Фокиной // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. 2017. № 5. С. 104–109.